

В. И. КАРАСИК
(Волгоград)

РЕЧЕВАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ

Рассматривается дискурсивное измерение речевой коммуникации. Анализируются подходы к пониманию дискурса с учетом достижений лингвистики текста, прагмалингвистики, социолингвистики, лингвокультурологии, лингвосемиотики, теории речевых жанров и теории дискурса.

Ключевые слова: коммуникация, текст, дискурс, социолингвистика, лингвокультурология, прагмалингвистика.

Лингвистика текста активно развивается в нескольких направлениях в соответствии с основными научными парадигмами современного языкознания. Выделяются структурный, коммуникативный и лингвокультурологический подходы к исследованию текста, его характеристик и категорий. Лингвисты подошли к осмыслению текста с нескольких сторон.

С позиций грамматики возникла необходимость систематизировать знания о структурах, выходящих за рамки предложения и высказывания. Изучение проблем сложного синтаксического целого, сверхфразовых единств, макросинтаксиса привело к возникновению грамматики текста. В рамках данного подхода споры ведутся о понимании текста как явления языка либо речи: иначе говоря, можно ли выделить в тексте строевые элементы, соответствующие структурным единицам в уровневой модели языка. Этот подход приобретает значительно большую объяснительную силу с учетом функциональных характеристик языковых единиц.

С позиций стилистики потребовалось обобщить большой теоретический материал, касающийся прежде всего функциональных стилей и интерпретации текста. Основные положения, к которым можно свести теоретическую базу стилистики текста, состоят, по-видимому, в следующем: 1) текст есть результат, а не процесс речи и обычно зафиксирован в письменной форме, 2) текст – это интенциональное произведение автора, обращенное к адресату, 3) существуют различные типы и жанры текстов, 4) есть фундаментальные характеристики, свойственные всем текстам, – текстовые категории. Исследование текстовых категорий привело к возникновению лингвистики текста как особой области языкознания. Можно посоветовать, что весьма удобное для данной дисциплины наименование «текстология» (ср.: «лексикология», «морфология», «фонология») уже давно используется в литературоведении для обозначения области знаний, связанных с установлением точного текста литературных произведений (история создания текста, его атрибуция, датировка и т.д.).

Для лингвистики текста (в отличие от стилистики текста) существенным является вопрос о тексте как процессе, и здесь структурная модель описания текста как самостоятельного герметичного образования становится недостаточной, возникает необходимость учета обстоятельств общения и характеристик коммуникантов, т.е. требуется переход к коммуникативной модели представления текста. Такой переход осуществляется в следующих направлениях: 1) осваиваются результаты исследований, так или иначе связанных с целым текстом, в прагма-, психо- и социолингвистике, риторике, литературоведении, когнитологии, 2) концептуально и терминологически противопоставляются текст, погруженный в ситуацию реального общения, т.е. дискурс, и текст вне такой ситуации, 3) на первый план выходят вопросы, связанные с порождением и пониманием текста, с диалогической природой общения, 4) исследуются не идеальные, правильно построенные тексты, а текстовые стратегии в их разнообразных реализациях.

Еще более широкий круг вопросов, затрагивающих сущность текста как феномена человеческой культуры, рассматривается при лингвокультурологическом исследовании текста. Корни такого подхода прослеживаются в трудах В. фон Гумбольдта и его последователей, в том числе представителей лингвистической антропологии [25; 30]. Данный подход направлен на освещение особенностей менталитета народа, обусловленных его историей и отраженных в языке, прецедентных текстах

(по Ю. Н. Караулову), концептосфере (Д. С. Лихачев), культурных концептах (Ю. С. Степанов). На наш взгляд, важнейшей характеристикой дискурса как феномена культуры являются его ценностные признаки. В коллективном сознании языковых личностей существует неписанный кодекс поведения, в котором при помощи специальных приемов изучения могут быть выделены ценностные доминанты соответствующей культуры как в этическом и утилитарном, так и в эстетическом планах (например, языковой вкус). Если понимать функцию объекта как его место в системе более высокого объекта (по Э. Бенвенисту), то функциональной характеристикой языка является его место в культуре. Соответственно, интертекстуальные соотношения целого текста (либо его автономных фрагментов) являются предметом изучения лингвокультурологии. Отсюда, в частности, выводится важность изучения вторичных текстов, аллюзий, типов дискурса.

Речевая деятельность находится в фокусе интересов современного языкознания и смежных с лингвистикой областей знания, прежде всего – психологии, социологии, культурологии. Многие термины, используемые в лингвистике речи, прагмалингвистике, психолингвистике, социолингвистике и лингвокультурологии, трактуются неоднозначно. К их числу, несомненно, относится такое понятие, как дискурс. Изучению дискурса посвящено множество исследований, авторы которых трактуют это явление в столь различных научных системах, что само понятие «дискурс» стало шире понятия «язык». Показательна статья С. Слембрука «Что значит “анализ дискурса”?», автор которой привлекает для объяснения сущности этого понятия такие области знания, как аналитическую философию в качестве основания лингвопрагматики, стилистику и социальную лингвистику, лингвистическую антропологию, теорию контекстуализации, культурологию, социологию и этнометодологию [31].

М. Стаббс выделяет три основные характеристики дискурса: 1) в формальном отношении это единица языка, превосходящая по объему предложение, 2) в содержательном плане дискурс связан с использованием языка в социальном контексте, 3) по своей организации дискурс интерактивен, т.е. диалогичен (“It refers to attempts to study the organisation of language above the sentence or above the clause, and therefore to study larger linguistic units, such as conversational exchanges or written texts. It follows that discourse analysis is also concerned with language use in social contexts, and in particular with interaction or dialogue between speakers”) [32, p. 1]. Хотелось бы обратить внимание на логическую связку между первым и вторым пунктами в этом классическом определении: изучение языковых образований, превосходящих предложение, подразумевает анализ условий социального контекста.

П. Серио выделяет восемь значений термина «дискурс»: 1) эквивалент понятия «речь» (по Ф. Сосьюру), т.е. любое конкретное высказывание, 2) единица, по размерам превосходящая фразу, 3) воздействие высказывания на его получателя с учетом ситуации высказывания, 4) беседа как основной тип высказывания, 5) речь с позиций говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такую позицию (по Э. Бенвенисту), 6) употребление единиц языка, их речевая актуализация, 7) социально или идеологически ограниченный тип высказываний, например феминистский дискурс, 8) теоретический конструкт, предназначенный для исследований условий производства текста [16, с. 26–27].

В. Г. Костомаров и Н. Д. Бурвикова противопоставляют дискурсию (процесс развертывания текста в сознании получателя информации) и дискурс (результат восприятия текста, когда воспринимаемый смысл совпадает с замыслом отправителя текста) [11, с. 10]. Такое понимание соответствует логико-философской традиции, согласно которой противопоставляются дискурсивное и интуитивное знания, т.е. знания, полученные в результате рассуждения и в результате озарения.

Суммируя различные понимания дискурса, М. Л. Макаров показывает основные координаты, с помощью которых определяется дискурс: формальная, функциональная, ситуативная интерпретации. Формальная интерпретация – это понимание дискурса как образования выше уровня предложения. Речь идет о сверхфразовом единстве, сложном синтаксическом целом, выражаемом как абзац или кортеж реплик в диалоге, на первый план здесь выдвигается система коннекторов, обеспечивающая целостность этого образования. Функциональная интерпретация в самом широком смысле – это понимание

дискурса как использования (употребления) языка, т.е. речи во всех ее разновидностях. Компромиссным (более узким) вариантом функционального понимания дискурса является установление корреляции «текст и предложение» – «дискурс и высказывание», т.е. понимание дискурса как целостной совокупности функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка. Такая трактовка дискурса встраивается в противопоставление дискурса как процесса и текста как продукта речи либо текста как виртуальной абстрактной сущности и дискурса как актуализации этой сущности (отметим принципиальное единство в понимании дискурса как динамического промежуточного речевого образования в отличие от полярно различных трактовок текста – от предельно абстрактного конструкта до предельно конкретной материальной данности). Контекст как признак дискурса акцентирует внимание исследователей на противопоставлении того, что сказано, и того, что имелось в виду (локуции и иллюкуции), а отсюда – на ситуации общения. Ситуативная интерпретация дискурса – это учет социально, психологически и культурно значимых условий и обстоятельств общения, т.е. поле прагмалингвистического исследования. Закономерно поэтому обращение к дискурсу со стороны многих ученых, разрабатывающих теорию речевых актов, логическую прагматику общения, конверсационный анализ, анализ диалога, лингвистический анализ текста, критический анализ дискурса, проблемы социолингвистики и этнографии коммуникации, когнитивной лингвистики и психолингвистики [12, с. 68–75].

Заслуживает внимания выделение двух типов исследований, посвященных дискурсу, – когнитивно-дискурсивных и коммуникативно-дискурсивных [6, с. 46]. Такое противопоставление подходов к дискурсу сводится к известному различию между семантикой и прагматикой знака. Семантика дискурса в данном понимании может трактоваться как совокупность интенций и пропозициональных установок в общении, а прагматика дискурса – как способы выражения соответствующих интенций и установок. В таком случае множественные связи дискурса с другими явлениями, включая связи определенного типа дискурса с другими его типами, представляют собой его синтактику (связь знака с другими знаками). В современной лингвистике в этом смысле обычно используется понятие «интертекстуальность». В известной мере противопоставление между планом интенций и планом их выражения соответствует противопоставлению между внутренним и внешним аспектами деятельности, или между собственно деятельностью и поведением.

В. Е. Чернявская, обобщив различные понимания дискурса в отечественном и зарубежном языкознании, сводит их к двум основным типам: 1) «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве», и 2) «совокупность тематически соотнесенных текстов» [21, с. 14, 16]. Эти явления, как можно видеть, подводятся под понятия «дискурс» и «тип дискурса», что в традиционной лингвистике соответствует противопоставлению аллофона и фонемы, алломорфа и морфемы и т.д. Данное противопоставление созвучно выделению текста и сверхтекста, текста и текстотипа. Тип дискурса, как и сверхтекст, – это обобщенное представление о тексте, концепт текста в сознании носителей соответствующей культуры. В этой связи представляется обоснованным выделение в структуре дискурса как когнитивного образования трех компонентов, соответствующих 1) обобщенной модели референтной ситуации, 2) репрезентациям знаний о социальном контексте, с учетом которого осуществляется социальное взаимодействие посредством текстов, 3) лингвистическим знаниям (нарративным схемам построения текста и семантико-синтаксическим структурам) [14, с. 31]. Эти стороны дискурса соотносимы с образно-понятийным и поведенческим аспектами языкового знания (поведенческий аспект включает, как предлагает считать цитируемый автор, экстралингвистическую и формально-лингвистическую составляющие). Такая схема соотносима и с типами пресуппозиций, выделяемыми в прагмалингвистике: пресуппозиции о мире, нормах поведения и употреблении языка.

Ситуативное (точнее, культурно-ситуативное) понимание дискурса раскрывается в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», где дискурс определяется как «связный текст в совокупности с

экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное, социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, “погруженная в жизнь”. Поэтому термин “дискурс”, в отличие от термина “текст”, не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно» [1, с. 136–137]. Соглашаясь с тем, что между языком и речью должно быть опосредующее звено, В. Я. Мыркин предлагает считать таким звеном три различных образования: языковую (или речевую) норму, индивидуальный язык (идиолект), дискурс (или текст) в отвлечении от личности говорящего и контекста (ситуации); в таком прочтении дискурс толкуется как искусственный аналог подлинной речи, например сконструированное предложение [13, с. 7, 19]. Исследователь из Архангельска предлагает оригинальную концепцию языка как объекта лингвистического исследования, включающую язык-устройство (психонейрофизиологический механизм порождения речи), речь (духовную деятельность человека), родной язык (конкретный язык того или иного этноса, народа), дискурс (изъятое из естественного контекста высказывание), язык-таксономию – упорядоченное описание языка-устройства (Там же, с. 88). Очевидно, что рассматриваемая схема должна быть дополнена текстовой координатой измерения – от речи как духовной деятельности человека в ее тотальности до конкретного речевого действия. Именно на этой оси измерения мы приходим к выделению культурно-ситуативного речевого образования, именуемого во многих работах «дискурс», хотя следует отметить, что этот термин является не самым удачным обозначением концептуализируемой сущности и вызывает споры даже из-за места ударения в нем.

Дискурс является центральным моментом человеческой жизни «в языке», того, что Б. М. Гаспаров называет языковым существованием: «...Всякий акт употребления языка – будь то произведение высокой ценности или мимолетная реплика в диалоге – представляет собой частицу непрерывно движущегося потока человеческого опыта. В этом своем качестве он вбирает в себя и отражает в себе уникальное стечение обстоятельств, при которых и для которых он был создан». К этим обстоятельствам относятся 1) коммуникативные намерения автора; 2) взаимоотношения автора и адресатов; 3) всевозможные «обстоятельства», значимые и случайные; 4) общие идеологические черты и стилистический климат эпохи в целом и той конкретной среды и конкретных личностей, которым сообщение прямо или косвенно адресовано, в частности; 5) жанровые и стилевые черты как самого сообщения, так и той коммуникативной ситуации, в которую оно включается; 6) множество ассоциаций с предыдущим опытом, так или иначе попавших в орбиту данного языкового действия [5, с. 10]. Человеческий опыт органически включает этнокультурные модели поведения, которые реализуются осознанно и бессознательно, находят многообразное выражение в речи и кристаллизуются в значении и внутренней форме содержательных единиц языка.

Анализ дискурса – междисциплинарная область знания, находящаяся на стыке лингвистики, социологии, психологии, этнографии, семиотического направления литературоведения, стилистики и философии. Анализ дискурса осуществляется с различных позиций, но всех исследователей дискурса объединяют следующие основные посылки:

- 1) статическая модель языка является слишком простой и не соответствует его природе;
- 2) динамическая модель языка должна основываться на коммуникации, т.е. совместной деятельности людей, которые пытаются выразить свои чувства, обменяться идеями и опытом или повлиять друг на друга;
- 3) общение происходит в коммуникативных ситуациях, которые должны рассматриваться в культурном контексте;
- 4) центральная роль в коммуникативной ситуации принадлежит людям, а не средствам общения;
- 5) коммуникация включает докоммуникативную и посткоммуникативную стадии;
- 6) текст как продукт коммуникации имеет несколько измерений, главными из которых являются порождение и интерпретация текста.

Дискурс представляет собой явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, остающимся в «сухом остатке» общения, – с другой. С позиций лингвофилософии дискурс – это конкретизация речи в различных модусах человеческого существования, поэтому правомерно, например, выделение делового (утилитарного) и игрового регистров дискурса; назначение первого – ориентировать человека в реальном мире; здесь важны цель и истина для адекватного представления образа реальности и полезного, эффективного действия в ней; назначение второго – освобождение человека от детерминизма природы и себе подобных, речевое лицедейство, опрокидывание устоявшихся стереотипов восприятия и поведения. В таком понимании игровой дискурс – это пространство творческого порождения и восприятия художественных произведений. Противопоставление регулярного (социально-коллективного) и сингулярного (индивидуально-личностного) начал в речи является одной из языковых антиномий и терминологически фиксируется как рекурсивная и дискурсивная рефлексия [3, с. 15]. Существенным, на наш взгляд, является противопоставление личностно ориентированного и статусно-ориентированного дискурса. В первом случае в общении участвуют коммуниканты, хорошо знающие друг друга, раскрывающие друг другу свой внутренний мир, во втором – общение сводится к диалогу представителей той или иной социальной группы. Личностный (персональный) дискурс представлен двумя основными разновидностями – бытовой (обиходный) и бытийный дискурс. Специфика бытового дискурса состоит в стремлении максимально сжать передаваемую информацию, выйти на особый сокращенный код общения, когда люди понимают друг друга с полуслова, коммуникативная ситуация самоочевидна, и поэтому актуальной является лишь многообразная оценочно-модальная эмоциональная квалификация происходящего. Бытийный дискурс предназначен для нахождения и переживания существенных смыслов, здесь речь идет не об очевидных вещах, а о художественном и философском постижении мира. Особенности художественного текста изучены весьма основательно, хотя его дискурсивные характеристики еще предстоит осветить. Лингвистический анализ философского дискурса, включая наивно-философский опыт, теологические, психологические и собственно философские толкования, представляется перспективной задачей, которая успешно решается в границах концептуальной лингвокультурологии. Статусно-ориентированный дискурс представляет собой институциональное общение, т.е. речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов, число которых определяется потребностями общества на конкретном этапе его развития [9].

С позиций лингвистики речи дискурс – это процесс живого вербализуемого общения, характеризующийся множеством отклонений от канонической письменной речи, отсюда внимание к степени спонтанности, завершенности, тематической связности, понятности разговора для других людей. Моделируя разговорную речь, О. Б. Сиротинина противопоставляет 1) тексты, отвечающие всем признакам текстовой структуры (в качестве примера приводится рассказ, который неоднократно повторяется рассказчиком), 2) оборванные тексты, характеризующиеся незаконченностью, тематической аморфностью, 3) текстоиды (по И. А. Стернину), которые не имеют строгого членения на части, принципиально не завершены, более спонтанны, чем другие виды текстов, рассчитаны на активного слушателя, тематически разъяты (темы возникают по ходу реализации текста), 4) разговоры (по Н. А. Купиной), в которых развитие темы прослеживается с трудом, а прямая диалогичность, т.е. мена ролей говорящего и слушающего, является обязательной, 5) дискурсы, являющиеся нетекстовой реализацией разговорной речи и отличающиеся нечеткостью деления на части, господством ассоциативных связей, полной спонтанностью и непонятностью для посторонних [17, с. 122]. Помимо структурных характеристик дискурс имеет тонально-жанровые измерения. Говоря о тональности дискурса, мы имеем в виду такие параметры, как серьезность либо несерьезность, обиходность либо ритуальность, стремление к унисону либо конфликту, сокращение либо увеличение дистанции общения, открытое (прямое) либо завуалированное (косвенное) выражение интенций, направленность на информативное либо фатическое общение. Эти параметры взаимосвязаны. В. В. Дементьев строит типологию жанров фатического

общения при помощи двух осей координат, соответствующих параметрам степени косвенности и регулирования межличностных отношений (от унисона до диссонанса), в результате чего выделяются пять основных жанров фатической коммуникации: 1) доброжелательные разговоры по душам, признания, комплименты, 2) прямые обвинения, оскорбления, выяснения отношений, ссоры, 3) флирт, шутка, 4) ирония, издевка, розыгрыш, 5) праздноречевые жанры (small talk) [7, с. 55–57]. Жанровые характеристики дискурса могут рассматриваться как совокупность признаков, представленных, например, в модели Т. В. Шмелевой: 1) коммуникативная цель, которая дает возможность противопоставить четыре типа речевых жанров (информативные, императивные, этикетные и оценочные), 2) образ автора, 3) образ адресата, 4) образ прошлого, т.е. ретроактивная направленность речевого события, характерная для ответа, отказа, согласия, опровержения, 5) образ будущего как выход на последующий эпизод общения, это приглашение, обещание, прогноз, 6) диктумное (событийное) содержание (набор актантов, их отношения, временная перспектива и оценка диктумного события), 7) языковое воплощение речевого жанра [23, с. 91–97]. Личностные характеристики участников дискурса неизбежно отражаются в типовых моделях его реализации, и в этом смысле ценным является выделение типов участников дискурса, например инвективный, куртуазный и рационально-эвристический типы языковых личностей; в основу выделения этих типов положены речевые стратегии конфликтного поведения, в первом случае – прямая вербальная агрессия, во втором – эмоция обиды и тяготение к этикетности, в третьем – здравомыслие и ирония [15, с. 57]. Понятно, что личностные характеристики коммуникантов представляют собой неразрывное единство индивидуальных, социальных, национально-культурных и общечеловеческих особенностей поведения, вместе с тем специфика осознания, выражения, комбинаторики этих особенностей в определенных ситуациях общения, жанрах речи и типах дискурса остается недостаточно изученной. Нельзя забывать и о динамике смысловых переходов: В. И. Шаховский отмечает, что индивидуальная интерпретация смыслов в диалоге зависит от меняющейся компетенции участников общения, от того, что они думают и чувствуют, осознавая мир и свое место в нем [22, с. 130].

В рамках социолингвистики дискурс – это общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации, например институциональное общение. Представляется возможным выделить применительно к современному социуму политический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный виды институционального дискурса. Разумеется, приведенный список может быть дополнен либо видоизменен. Важно отметить, что институциональный дискурс исторически изменчив – исчезает общественный институт как особая культурная система и, соответственно, растворяется в близких, смежных видах дискурса свойственный исчезающему институту дискурс как целостный тип общения. Например, в современной России вряд ли можно установить охотничий дискурс. Для определения типа институционального общения необходимо учитывать статусно-ролевые характеристики участников общения (учитель – ученик, врач – пациент, офицер – солдат), цель общения (педагогический дискурс – социализация нового члена общества, политический дискурс – сохранение или перераспределение власти), прототипное место общения (храм, школа, стадион, тюрьма и т.д.). Институциональный дискурс есть специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума. Разумеется, любое общение носит многомерный, партитурный характер, и его типы выделяются с известной степенью условности. Полное устранение личностного начала превращает участников институционального общения в манекенов, вместе с тем существует интуитивно ощущаемая участниками общения граница, выход за которую подрывает основы существования того или иного общественного института. Институциональность носит градуальный характер. Ядром институционального дискурса является общение базовой пары участников коммуникации – учителя и ученика, священника и прихожанина, ученого и его коллеги, журналиста и читателя (слушателя, зрителя). Следует отметить, что центральные концепты, образующие основу общественных институтов, обла-

дают большой генеративной силой в том плане, что вокруг них концентрируется обширная смысловая область, для описания которой необходимо составлять достаточно объемный словарь. Примером может послужить «Кратологический словарь», представляющий собой тезаурус по политологии, организованный вокруг концепта «власть» [20].

Институциональный дискурс строится по определенному шаблону, но степень трафаретности различных типов и жанров этого дискурса различна. Дело в том, что в реальной жизни прототипный порядок дискурса часто нарушается. Р. Водак приводит характерный пример медицинского дискурса, в основе которого лежит схема необходимых и достаточных коммуникативных действий, связанных с приемом пациента в одной из клиник Вены: 1) пациента приглашают в кабинет, 2) пациент раздевается и ложится на кушетку, 3) один из присутствующих врачей осматривает пациента, 4) пациент одевается и возвращается в прихожую, 5) врач, который произвел осмотр, диктует результаты своему коллеге, затем они обмениваются мнениями либо врач сам делает записи в рабочем журнале, 6) приглашают следующего пациента. Фактически эта схема очень редко воплощается в жизнь, поскольку попутно в кабинет заходят коллеги, врач отвечает на телефонный звонок, медсестра приносит рентгеновский снимок предыдущего пациента, обнаруживается, что потеряна учетная карта пациента и медсестра отправляется ее искать, электрокардиографический прибор не функционирует, следующий пациент, который записался на определенное время, заглядывает в кабинет и т.д. Все участники общения привыкли к отклонениям и накладкам и реагируют на них нормально [33, р. 55–56]. Вероятно, существуют мягкие и жесткие разновидности институционального дискурса, приведенный пример иллюстрирует мягкую разновидность коммуникативного события, структура которого весьма вариативна, но определяющие компоненты этой структуры – осмотр и фиксация осмотра – не могут исчезнуть. Примером жесткой разновидности институционального дискурса являются различные ритуалы – военный парад, защита диссертации, вручение награды, церковная служба. Необходимо отметить, что с позиций социолингвистики, т.е. с учетом того, кто и в каких обстоятельствах принимает участие в общении, можно выделить столько типов дискурса, сколько выделяется типизируемых личностей и соответствующих обстоятельств, например дискурс театральной репетиции, молодежной дискотеки, психотерапевтической консультации и т.д.

Базовые социологические характеристики бытового и институционального общения проницательно схвачены в трудах известного американского социолога И. Гоффмана, который разработал категориальный аппарат для измерения личности как участника социального действия: 1) благо (good) – желаемый объект или состояние, 2) притязание (claim) – право на обладание, контроль, использование и распоряжение благом, 3) претендент (claimant) – лицо, предъявляющее права на благо, 4) препятствие (impediment) – действие, средства или источники, ставящие притязание под угрозу, 5) контр-претендент (counter-claimant) – лицо, от имени которого исходит угроза притязаниям на то или иное благо, 6) агенты (agents) – индивидуумы, разыгрывающие роли претендента и контр-претендента применительно к притязаниям; 7) фиксированные, ситуативные и эгоцентрические территории индивидуума (например, квартира, скамейка, на которой сидит человек, кошелек в его кармане); 8) ритуальные условные действия, поддерживающие и исправляющие усилия индивида, направленные на достижение блага (supportive and remedial interchanges), 9) знаки связанности (tie-signs) – принадлежность индивидуума определенным коллективам в качестве члена соответствующих групп и связь с другими индивидуумами через социальные отношения [26, р. 51, 52, 88, 124, 226].

Для анализа дискурса наиболее интересны коммуникативные действия, посредством которых индивидуум стремится осуществить свои права на получение символического блага либо отвести угрозу от своих притязаний на это благо. Например, совершив неодобряемое действие, виновник этого проступка пытается объяснить свое поведение и выбирает следующие линии объяснения: 1) утверждает, что приписываемый ему проступок не имел места, 2) доказывает, что обстоятельства действия радикально отличались от того, что ему ставится в вину, 3) говорит, что он не знал о возможных последствиях поступка, 4) признает вину, но ссылается на непреодолимые обстоятельства, такие как усталость

или страсть, 5) соглашается с обвинением и признается, что не задумывался о последствиях. Эти линии объяснения сводятся к трем моделям поведения: полному раскрытию всех обстоятельств случившегося проступка, частичному уменьшению своей вины и заранее заготовленному оправданию. В этой связи речевое действие извинения представляет собой сложное социально-драматургическое образование, главный участник которого как бы распадается на две части: на виновного в совершении проступка и на того, кто осуждает этот проступок, признавая принятые правила поведения. В наиболее полной форме извинение, как отмечает И. Гоффман, включает пять элементов: 1) выражение неудобства и огорчения, 2) понимание того, как надо было себя вести и принятие наказания (отрицательных санкций), 3) словесно выраженное самоосуждение, 4) обещание вести себя впредь хорошо, 5) демонстрация раскаяния и стремления искупить свою вину [26, р. 140–144]. Важное место в концепции Э. Гоффмана принадлежит понятию «ключ», «переключение» (key, keying), которое понимается как серия условных перекодирований той или иной деятельности, имеющей свой смысл в некотором исходном сценарии, но воспринимаемой участниками общения в новом смысле. К числу таких переключений относятся игры (действия «понарошку»), игровые соревнования, церемонии, изменения в оформлении действий (technical redings), мотивировках (regroundings) [27, р. 43, 44, 48, 58, 74]. Институциональный дискурс в значительной мере может быть прояснен, если исследователь примет в качестве исходной посылки тезис о переосмыслении бытового дискурса в институциональный, поскольку бытовое, обыденное общение является генетически исходным и содержит в свернутой форме особенности общения на статусно-представительском уровне. С позиций обыденного общения многие моменты институционального дискурса кажутся странными, например, символические жесты военного дискурса или ритуальные формулы юридического дискурса, произносимые во время заседания суда, или формульные модели дипломатического этикета.

Переход от бытового дискурса к институциональному связан с определенными трудностями, о которых в свое время писал Б. Бернстайн, разграничивая расширенный и сокращенный коды общения (elaborated and restricted codes). В условиях обыденного общения все коммуниканты хорошо знают друг друга, ведут разговор о конкретных делах и не испытывают необходимости рассуждать о сложных материях либо объяснять близкому человеку очевидные вещи, поэтому разговор ведется при помощи сокращенного кода, который имеет высокую контекстную зависимость. Выходя за рамки обыденного общения, сталкиваясь с незнакомыми людьми, человек вынужден создавать для них необходимую фоновую информацию на основе предположений о том, чего собеседник, вероятно, не знает, и поэтому общение при помощи расширенного кода в меньшей мере зависит от контекста. Люди, относящиеся к среднему классу в традициях современной цивилизации, должны свободно переключать коды в общении. Этому учат школа и университет. Представители недостаточно образованных социальных слоев не владеют приемами общения при помощи расширенного кода, поскольку дома и среди друзей на улице такое общение бессмысленно, и это обстоятельство в известной мере препятствует их самореализации в жизни [24, р. 164–167].

Контекстная зависимость является величиной, определяющей не только личные и социально-групповые, но и национально-культурные особенности общения. Сравнивая культуры с высокой и низкой контекстной зависимостью, И. Э. Клюканов предлагает параметры эпистемности, акториальности, пространственности и темпоральности в качестве ключевых моментов для определения этнокультурного типа. Эпистемность характеризует коммуникативный универсум с точки зрения отношения культуры к знанию в целом (насколько успешно субъект функционирует в незнакомых ситуациях и насколько он тяготеет к сознательному поиску новой информации), акториальность позволяет описать коммуникативное расстояние между представителями сравниваемых культур (степень зависимости поведения от мнения сообщества, приоритет сохранения лица как уважения со стороны других либо как самоуважения), пространственность трактуется как приемлемая в обществе степень авторитарности поведения (например, американцы считают русскую культуру более авторитарной, чем свою, это прослеживается в приглашениях, стремлении прийти на помощь и т.д., обратное воспринимается русскими как замкнутость, неискренность, нежелание идти на контакт), темпоральность позволяет оха-

рактизовать отношение представителей культуры к временному континууму (монокроничность в понимании времени представителями современной западной цивилизации и полихроничность времени в традиционных сообществах, отсюда повышенная чувствительность к точности измерения времени, опозданиям, успеху как опережению, фетишизация скорости и т.д.) [10, с. 23–26].

Анализируя лингвокультурные основания мышления применительно к западноевропейской и восточноазиатской культурам, Т. Н. Снитко устанавливает фундаментальное различие между ними в виде позиции осваивающего мир человека: познание либо понимание. Культура познания представляет собой противопоставление субъекта и объекта, отсюда закономерны вопросы о природе объекта «Что есть это?» и ответы на эти вопросы в виде понятий, которые и составляют основу культуры. Культура понимания – это погруженность в мир, неразрывная связь человека и окружающего его мира, акцент на связях, а не на противоположностях между мирами, и поэтому закономерен вопрос «Что есть мир для меня?». Западная лингвокультура стремится вербализовать смысл, а восточная – показать его в богатстве его символических связей. Символическая природа иероглифов-понятий обеспечивает им широкие возможности смыслопорождения в культурном пространстве, символ обращен к духовному миру человека как целому, а не только к его разуму [19, с. 16, 17, 141]. Понимание есть осознание себя в контексте, познание – отталкивание от контекста.

Попытка разработать категориальный аппарат для социального-культурного измерения общения предпринята в монографии Р. Ходжа и Г. Кресса «Социальная семиотика», авторы строят модель «логономической системы», представляющей собой набор правил, предписывающих условия для производства и восприятия смыслов, эти условия определяют, кто имеет право устанавливать и получать смыслы, какие темы могут наделяться смыслами, при каких обстоятельствах и в какой модальности это может происходить. Эти правила в наибольшей степени выражены в условностях этикета, законодательстве, производственных отношениях. Логономические правила определяют жанровую специфику дискурса, будь это производственное совещание, газетное интервью или лекция в университете [29, р. 3–6]. Рассматриваемая модель наделяет социальной значимостью широкий круг взаимосвязанных явлений, включающих речь, одежду, пищу, жилище, образ жизни, при этом социальными маркерами могут служить любые переосмысленные предметы или явления. Знание ключей переосмысления является показателем принадлежности индивидуума к определенному институту.

Совершенно иной подход к изучению дискурса требуется при исследовании игрового и суггестивного видов общения, которые представляют собой не ситуативно обусловленные типы коммуникативного поведения, а особую тональность общения, пронизывающую различные виды персонального и институционального дискурса. Заслуживает внимания исследование, автор которого выносит на суд лингвистической общественности обширный список разновидностей модальной тональности: «официально, серьезно, шутливо, восторженно, дружелюбно, враждебно, саркастически, недоверчиво, безразлично, пессимистически, робко, мечтательно, с грустью, пренебрежительно, надменно, агрессивно, с отвращением, настойчиво, мрачно, удивленно, взволнованно, хвастливо, с тревогой, раздраженно, с обидой, отрешенно, радостно, притворно, задумчиво, решительно, вызывающе, таинственно, грубо, испуганно, вежливо, ласково» [2, с. 95]. Разумеется, можно предъявить автору замечания по поводу критериев выделения соответствующих тональных нюансов, того, в какой мере они различны (например, «робко» и «испуганно»), можно ли считать данный список исчерпывающим, но постановку такой проблемы следует только приветствовать.

Итак, дискурс, понимаемый как текст в ситуации реального общения, допускает различные измерения. С позиций языкового материала, лексико-грамматической ткани текста можно анализировать дискурс в аспекте полноты, правильности, логичности высказываний, составляющих рассматриваемый текст, и при таком имманентно-лингвистическом подходе к изучению дискурса исследователь исходит из концепта «правильно построенного дискурса» как идеального типа, с одной стороны, и возможных отклонений от этого типа – с другой, вплоть до таких коммуникативных фрагментов, которые лингвистически проанализировать не представляется возможным. Различие между позициями ученых,

разделяющих имманентно-лингвистический подход к дискурсу, состоит в том, что одни исследователи полагают, что в качестве образца правильно построенного текста должен приниматься во внимание письменный литературный текст [4], и в таком случае устная речь с ее отклонениями от норм письменного текста рассматривается как маркированное явление, в то время как другие ученые наделяют устную и письменную речь равным статусом, полагая, что существуют как текстотип устной речи и отклонения от этого идеального типа, так и соответствующие корреляты письменной речи [18].

С позиций участников общения (социолингвистический подход) все виды дискурса распадаются на личностно и статусно-ориентированный дискурс. В первом случае участники общения стремятся раскрыть свой внутренний мир адресату и понять адресата как личность во всем многообразии личностных характеристик, во втором случае коммуниканты выступают в качестве представителей той или иной общественной группы, выполняют роль, предписываемую коммуникативной ситуацией. Личностно ориентированный дискурс проявляется в двух основных сферах общения – бытовой и бытийной, при этом бытовое (обиходное) общение представляет собой генетически исходный тип дискурса, а бытийное выражается в виде художественного, философского, мифологического диалога. Статусно-ориентированный дискурс может носить институциональный и неинституциональный характер – в зависимости от того, какие общественные институты функционируют в социуме в конкретный исторический промежуток времени. Так, для современного общества релевантны научный, массово-информационный, политический, религиозный, педагогический, медицинский, военный, юридический, дипломатический, деловой, рекламный, спортивный и др. типы институционального дискурса. Вместе с тем вряд ли можно выделить по тем параметрам, которые являются определяющими для перечисленных типов дискурса, такое образование, как, например, филологический дискурс. Статусно-ориентированным является и общение незнакомых или малознакомых людей, например вопросы к незнакомым людям о времени или о местонахождении какого-либо учреждения.

Наряду с имманентно-лингвистическим и социолингвистическим подходами к изучению дискурса можно выделить прагмалингвистический подход, суть которого состоит в освещении способа общения в самом широком смысле. В этом контексте заслуживает внимания понятие «регистр» в трактовке М. Халлидея: разграничивая вариативные характеристики речи, связанные с личностью говорящего (диалект) и используемыми способами и средствами общения (регистр), ученый выделяет в рамках регистра три важнейших измерения: «поле», обстановка общения – *field of activity* (e.g. science, religion, law), «тональность», стиль дискурса – *tenor* – the social role relationships which obtain between the language users in a particular situation (e.g. teacher-pupil, preacher-congregation, parent-child), «модус», канал общения – *medium used* (e.g. written, spoken, spoken-to-be-written, written-to-be-cited) [28, p. 33]. Детальный анализ различных прагмалингвистических концепций дискурса приводится в монографиях М. Л. Макарова (1998) и В. В. Дементьева (2000).

В прагмалингвистическом аспекте можно противопоставить такие виды общения, как серьезное – не-серьезное (игровое, юмористическое), ритуальное – неритуальное, информативное – фасцинативное, фатическое – нефатическое, прямое – непрямо. Необходимо отметить, что определенные характеристики видов дискурса, выделяемых на прагмалингвистическом основании, пересекаются. Неритуальное общение, например, может включать информирование, фасцинативный обмен текстами, фатическую и нефатическую составляющие. На наш взгляд, эти параметры общения представляют собой своеобразные ключи и тональности дискурса, дополняющие и уточняющие те типы дискурса, которые выделяются на социолингвистической основе. Элементы ритуального дискурса наличествуют почти в любом из видов дискурса – и в бытовом (семейные ритуалы), и в институциональном (здесь существует градация: в религиозном дискурсе степень ритуальности очень высока, а в диалоге незнакомых людей о том, как пройти на вокзал, ритуальности почти нет). Мы сталкиваемся с игровым дискурсом в обыденном и художественном общении, в определенных видах массово-информационного, политического, педагогического общения. Элементы фатического общения прослеживаются в контактоустанавливающих единицах любого дискурса, при этом осложненная фатика специфически проявляется в различных видах институционального дискурса.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингв. энцикл. словарь. М. : Сов. энцикл., 1990. С. 136–137.
2. Багдасарян Т. О. Тональный компонент модальности в коммуникации (на материале английского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2000.
3. Борботько В. Г. Общая теория дискурса (принципы формирования и смыслопорождения) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1998.
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. : Наука, 1981.
5. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М. : Нов. лит. обозрение, 1996.
6. Данилова Н. К. «Знаки субъекта» в дискурсе. Самара : Изд-во «Самарский университет», 2001.
7. Дементьев В. В. Жанры фатического общения // Дом бытия : альманах по антропологической лингвистике. Саратов : Изд-во Сарат. пед. ин-та, 1995. Вып. 2. С. 50–63.
8. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2000.
9. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис, 2004.
10. Ключанов И. Э. Динамика межкультурного общения: к построению нового концептуального аппарата : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1999.
11. Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Изучение и преподавание русского слова от Пушкина до наших дней : материалы конф. и семинаров. Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1999. С. 7–14.
12. Макаров М. Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь : Изд-во Твер. ун-та, 1998.
13. Мыркин В. Я. Язык – речь – контекст – смысл : учеб. пособие. Архангельск : Изд-во Поморск. ун-та, 1994.
14. Руберт И. Б. Текст и дискурс: к определению понятий // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса : сб. науч. тр. СПб. : Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та экономики и финансов, 2001. С. 23–38.
15. Седов К. Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: психо- и социолингвистический аспекты. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1999.
16. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / пер. с фр. и португ. М. : Прогресс, 1999. С. 14–53.
17. Сиротинина О. Б. Тексты, текстоиды, дискурсы в зоне разговорной речи // Человек – Текст – Культура. Екатеринбург, 1994. С. 105–124.
18. Сиротинина О. Б. Что и зачем нужно знать учителю о русской разговорной речи : пособие для учителя. М. : Просвещение; Учеб. лит., 1996.
19. Снитко Т. Н. Предельные понятия в западной и восточной лингвокультурах. Пятигорск : Изд-во Пятигорск. лингв. ун-та, 1999.
20. Халипов В. Ф. Власть. Кратологический словарь. М. : Республика, 1997.
21. Чернявская В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса : сб. науч. тр. СПб. : Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та экономики и финансов, 2001. С. 11–22.
22. Шаховский В. И., Сорокин Ю. А., Томашева И. В. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). Волгоград : Перемена, 1998.
23. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов : Колледж, 1997. С. 88–98.
24. Bernstein B. Social Class, Language and Socialization // Language and Social Context: Selected Readings. Harmondsworth : Penguin, 1979. P. 157–178.
25. Duranti A. Linguistic Anthropology. Cambridge : Cambridge University Press, 1997.
26. Goffman E. Relations in Public: Microstudies of the Public Order. Harmondsworth : Penguin, 1972.
27. Goffman E. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Press, 1974.
28. Halliday M. A. K. Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning. L. : Arnold, 1978.
29. Hodge R., Kress G. Social Semiotics. Cambridge : Polity, 1988.
30. Hymes D. Foundations in Sociolinguistics: An Ethnographic Approach. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1974.
31. Slembrouck S. What is meant by “discourse analysis”? URL : <http://bank.rug.ac.be/da/da.htm>.
32. Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. Oxford : Blackwell, 1983.
33. Wodak R. Disorders of discourse. L. – N.Y. : Longman, 1996.

Speech communication: discursive aspect

There is considered the discursive dimension of verbal communication. There are analyzed the approaches to understanding discourse taking into consideration the achievements of text linguistics, pragmalinguistics, sociolinguistics, linguistic culturology, linguistic semiotics, theory of speech genres and theory of discourse.

Key words: *communication, text, discourse, sociolinguistics, linguistic culturology, pragmalinguistics.*